

Алексей ГОЛИЦЫН

ПИСЬМО ТОЛСТОМУ КАК МЕТОД САМОУБИЙСТВА

В начале сентября 1941 года в редакцию центральной газеты «Правда» поступило письмо на имя писателя Алексея Толстого.

«Прочел Вашу статью “Лицо гитлеровской армии”¹. Вы возмущены, что Геб<б>ельс Вас оскорбил, как советского писателя. Вы, называя себя советским писателем, приобщаете себя к лику рабочего класса, потому что Советская Власть – классовая власть – власть рабочего класса. А давно-ли Вы поливали помоями и эту власть и рабочий класс, а потом на своем толстом брюхе, как змея вползли в Советский огород, ползая на брюхе, подлизываясь, выслуживаясь, под дифирамбы престолу – кучке прохвостов засевавших в Кремле, добились орденов и премий и разопрев на рабочей крови (т.к. Вы пьете-то рабочую и крестьянскую кровь, как и в старину) начинаете лить помои на культурнейший народ Европы. Только такая стерва, такая сволочь, как Вы – сволочь потерявшая всякую совесть может осмелиться на такие гнусности. Писатель! Пачкун Вы, а не писатель! От Вашей пачкотни история отвернется, как от падали, как сейчас от Вас отворачивается русский народ.

Вы писатель – подняли Вы голос протеста, когда царствующая клика, загнав в ярмо “колхозного счастья” издевается над русским крестьянином, морит его голодом; когда русский рабочий за “<пайку?> сухарей” и будущий социальный рай (кот<орый> вот мы ждем 24 года) да за указы 1940 г., отдает последние силы, прикованный к станку, как раб? Вы – писатель – промычали, что либо сказали? Нет. Вы зажали свой жирный рот. Вам можно молчать после 100 т. премий. Попробовали бы Вы пожить на 200-300 руб., когда к/г. хлеба стоит 5 руб., да на него Вам 5-6 чел. детей.

Знайте, что русский народ скажет большое спасибо немецкому народу, если с его помощью удастся выкинуть за пределы России кремлевскую сволочь и Вас вместе с ними. Прокомментируйте в “Правде” – отклики В<аших> русских читателей на В<ашу> пачкотню».

В конце текста были указаны инициалы «М. П.», а на конверте отчетливо читался штамп саратовской почтовой конторы. Содержание письма требовало срочного поиска автора, из НКВД СССР письмо переправили в управление НКВД по Саратовской области. Органы справились с задачей менее чем за пять месяцев. В январе 1942 года личность клеветника была установлена. Еще две недели потребовалось на то, чтобы установить местонахождение преступника.

5 февраля саратовские чекисты направили телеграмму политруку – он же следователь НКВД – в 31-ю запасную стрелковую бригаду, базировавшуюся на станции Суслонгер Марийской АССР. От чекиста требовалось немедленно арестовать командира взвода Константина Частова.

Связист Частов так и не попал на фронт, его отправили спецконвоем в Саратов, где до призыва в армию он работал в Радищевском музее. Художником, экскурсоводом и, как ни странно, политруком. Была в штатном расписании культурного учреждения и такая должность.

К моменту ареста Частову было 27 лет, он закончил художественное училище, участвовал в выставках, отслужил срочную и был женат на учительнице Елене Кузьмич. У

¹ Правда, №241, 31 августа 1941 г.

них было двое детей, старшему – 5 лет. Что немаловажно, в 1937 году отец Елены Степан Кузьмич был осужден по политической статье. Первое военное лето Частов провел, оформляя агитокна в Саратове. Его плакаты выставлялись сначала в Доме книги, а затем и по всему городу.

Злополучное письмо Алексею Толстому Частов написал 4 сентября 1941 года, за три недели до призыва в действующую армию.

5 октября художник написал последнее письмо жене:

«Пятый день как мы прибыли в лагерь. Место хорошее – сосновый лес и озера. Живем в бараках. Место довольно глухое. Очень и очень сожалею что кое-что я не захватил с собой. Поэтому обращаюсь к тебе с убедительной просьбой пришли мне следующее: карандашей разных, конвертов, бумаги, открыток, ну и если можно папирос или махорки».

16 ноября Частов получил последнее письмо от жены:

«Милый Костя! Во-первых сообщая, что Валечка в больнице заразился корью и умер дома. Умер 13 ноября в 10 ч. 30 м. утра. Союз сов<етских> худож<ников> помогли на похороны дали 150 р. денег. Л.С. Рабин<ович>² была все время со мной мне помогала и В.И. Никитин³ дал мне в помощь девушек из худ<ожественного> училища. Схоронила 15 числа могилка отдельная на хорошем месте я заметила место, чтоб весной ее восстановить если буду сама жива».

23 января начальник 5-го отделения секретно-политического отдела УНКВД по Саратовской области Петр Дубровский подписал постановление об аресте Константина Частова. Художник обвинялся по статье 58-10, ч. 2 «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти». В военной обстановке Частову грозил расстрел.

Что происходило с арестованным до момента прибытия в Саратов, неизвестно. Доставить Частова к месту следствия, видимо, долгое время не было возможности. На первый допрос он попал лишь 20 мая. Обвинений не признал, добавив, что *«антисоветской деятельности никакой не вел и всегда являлся сторонником Советской власти»*. Частов счел нужным уточнить, что *«в музее им. Радищева я работал не в качестве художника, а в качестве научного сотрудника – зав. политпросветчастью музея»*.

Арестованный упорствовал и после того, как ему было предъявлено письмо Алексею Толстому. *«Я повторяю, что против советской власти преступлений не совершал»*, – записано в протоколе допроса Частова 30 мая.

19 июня эксперты Саратовского юридического института Зицер, Волосевич и Кристаллов признали идентичность почерков письма в «Правду» Толстому и изъятых при обыске описаний картин в Радищевском музее, выполненных рукой Константина Частова. Экспертиза была настолько тщательной, что к делу пытались приобщить карандаш, найденный у жены художника, но затея провалилась. Химический состав карандаша из дома на улице Беговой не полностью совпадал с тем, который был использован для составления клеветнических измышлений. «Письмо написано или приложенным химическим карандашом, или карандашом того же сорта», – заключили два профессора и один доцент химического факультета СГУ.

Частов не сдавался и после результатов экспертизы. *«После ознакомления с материалами исследования почерка, проведенного графологическими экспертами, я опять заявляю, что никаких писем в адрес писателя Толстого я не писал»*, – зафиксировал следователь в присутствии прокурора.

² Рабинович Любовь Семеновна (1907–2001) – преподаватель Саратовского художественного училища (1937–1943), организатор и художественный руководитель саратовских «Агитокон» (1941–1943), председатель правления саратовского Союза художников (1939–1943).

³ Никитин Владимир Иванович – с 1923 г. педагог, с 1928 г. – завуч Саратовского художественного училища.

Отметим, что Константин Частов попал в поле зрения чекистов в 1942-м году, когда попытки и прочие «нарушения социалистической законности» уже не практиковались или, по крайней мере, не носили тот массовый характер, который пришелся на пик репрессий в 1937-1938 годах. Так, несколько особо отличившихся работников Саратовского управления НКВД уже были уволены или осуждены за фальсификации протоколов допросов и за «незаконные методы следствия». На допросы Частова (правда, не на все) приглашали прокурора, а на суде даже присутствовал адвокат.

Однако на допросе художника 1-го июля что-то произошло. В протоколе указано время начала и окончания следственных действий: 16:30 и 17:50. То есть в течение почти полутора часов Частов давал какую-то информацию старшему лейтенанту Дубровскому и его помощнику младшему лейтенанту Будникову.

Но в итоговый протокол вошло всего несколько фраз:

«Вопрос: Вами сделано устное заявление с просьбой вызвать Вас к следователю. Скажите, что Вы хотели заявить?»

Ответ: Мною на протяжении всего следствия отрицалось обвинение, выдвинутое против меня. Сейчас я решил откровенно признать свою вину. Автором анонимного письма антисоветского содержания, адресованного в редакцию газеты “Правда” писателю Алексею Толстому, являюсь я.

Вопрос: Расскажите, при каких обстоятельствах вами было написано указанное письмо?»

Ответ: Обстоятельства написания мною анонимного письма в адрес Толстого я постараюсь вспомнить, после чего дам подробные показания».

Частова увели в камеру, но в тот же вечер, в 21:15 снова вызвали на допрос, который длился более трех часов. На этот раз следователям удалось получить не только подробности антисоветского преступления, но и услышать фамилии потенциальных соучастников Частова:

«Да, я признаю себя виновным в написании анонимного письма антисоветского содержания в адрес писателя Алексея Толстого, которое мне ранее предъявлялось следствием. <...>

Написал я анонимное письмо писателю Толстому в первых числах сентября 1941 года, до призыва меня в армию, под влиянием антисоветских настроений, вызванных моим общением с Карановым Александром, работает литработником в г. Саратове и Салтыковым Константином Макаровичем⁴, работавшим художником в артели “Художник”. Последние двое в беседах со мною при встречах иногда высказывали свои антисоветские взгляды по отдельным мероприятиям ВКП(б) и советского правительства. <...>

С Карановым и Салтыковым я знаком приблизительно: с первым с 1938 года, со вторым по совместной учебе в Художественном училище. Более или менее близкое общение я с ними стал поддерживать с начала 1941 года, посещал их на квартире и иногда вместе выпивали. На этих выпивках мы вели беседы о <нрзб>, высказывая недовольство материальным положением трудящихся и отдельными мероприятиями Советской Власти. С Салтыковым я имел общение до призыва его в армию в июле или августе 1941 г., с Карановым до сентября 1941 г., до момента призыва меня в армию».

Что-то скрывать и дальше Частову, видимо, уже не имело смысла. Последующие его допросы лишь проясняли картину для следователей:

«Общаясь с Карановым Александром и Салтыковым Константином Макаровичем, я из бесед с ними вывел заключение, что они настроены антисоветски. Еще до начала войны Германии против Советского Союза, я – Частов, Каранов и Салтыков, бывая вместе, в беседах выражали иногда свое отрицательное отношение к проводимым отдельными мероприятиями Советской власти. Эти беседы у нас происходили обычно в

⁴ Салтыков Константин Макарович (1914 – после 1951) – художник, работал в саратовском товариществе «Художник».

квартире Каранова, у которого одно время жил и Салтыков, за выпивкой, а также на улице после выпивки. Привести сейчас темы наших бесед в то время и конкретные факты наших антисоветских высказываний, я за давностью сейчас затрудняюсь, но могу сказать, что обычно они были связаны с тем или иным указом правительства. С началом войны с Германией т.е. с лета 1941 года я с Салтыковым почти перестал встречаться, а с Карановым стал встречаться часто, так как мы с ним работали вместе в “Агитокно”, он в качестве поэта, а я в качестве художника. В первые дни войны в одной из встреч на квартире у Каранова, он в разговоре со мною заявил: «Как ни лизали ... Гитлеру, а все же он против Советского Союза выступил, а теперь нашим же хлебом будет нас бить». К сводкам информбюро Каранов относился весьма недоверчиво, говоря, что нет объективности в этих сообщениях. В августе 1941 года мы находились с ним на площадке Водников, где в беседе о положении на фронте, Каранов заявил: “Мы уже много зазнавались, надо было меньше шуметь и кричать, а строить больше самолетов и танков”. Примерно в августе 1941 года в квартире Каранова, между нами возник разговор, сводившийся к тому, что если тебя не удовлетворяет место работы, все же уйти нельзя. По этому поводу Каранов сказал: «Рабочих зажали в кулак и пикнуть не дают». <...>

Другие факты антисоветских высказываний со стороны Каранова я вспомнить затрудняюсь, тем более после сентября 1941 года т.е. после мобилизации меня в армию я с Карановым не виделся. <...>

Если я мог с кем-либо делиться по поводу того, что мною изложено в анонимном письме на имя писателя Толстого, то только с Карановым, но действительно ли я с ним делился, об этом я сейчас не помню».

Следствие, повторяюсь, к 1942 году уже имело все формальные признаки законности, к делу была приобщена даже характеристика Частова, написанная директором Радищевского музея И.А. Фоминой⁵:

«Частов Константин Дмитриевич 1915 г. рождения работал в Саратовском художественном музее им. А.Н. Радищева с 28/XI 38 г. до 1/VIII 41 г. в качестве экскурсовода и Зав. полит. просвет. частью музея.

За время своей работы в музее Частов К.Д. проявил себя в значительной мере инициативным сотрудником и активным общественником (был членом редколлегии стен. газеты и пред. М.К. <месткома> музея).

Отрицательным моментом в работе Частова являются в то же время его недостаточная активность в деле организации мас<сового> зрителя музея и недостаточная подготовка (культурный уровень) для звания старшего научного работника музея, которое ему было дано».

А следствие своим чередом продолжало работу, раскручивая «преступную группу». 22 июля 1942 г. был арестован один из указанных Частовым товарищей Александр Каранов. Молодой поэт к этому времени числился бухгалтером оперучета совхоза «Сталь» Петровского района Саратовской области. От Каранова остались считанные стихотворения в местной печати. Круг его интересов можно составить из их названий: «На катке», «Песня лыжников», «Конюх». За год до войны Каранов сочинил «Простую песенку»⁶:

Я осталась одинокой
без дружка.
Редки письма из далекого
полка.

Словно веточка осенним

⁵ Фомина Инна Александровна (1910–2004) – научный сотрудник, с 1939 по 1966 г. работала на различных должностях в Радищевском музее.

⁶ Литературный Саратов: Сб. Саратов. обл. отд-ния Союза сов. Писателей. – Саратов: Саратов. обл. изд., 1940.

серым днем,
Сердце стыло в опасении
о нем.

Нес ли службу боевую
хорошо?
Как бы милую другую
не нашел.

Но и осенью нам дарят дни
тепло –
Мне письмо из Красной армии
пришло.

Я взяла, я развернула
письмецо –
Словно веснушка пахнула
мне в лицо.

Что читала – не скажу я
никогда,
Только вещи уложу я
в чемодан,

Чтоб колхоз наш проводил
еще одну
Боевую командировку
жену.

Что вскоре произойдет в семье его друга Константина Частова и «командировой жены» Елены Кузьмич, Каранов, разумеется, предвидеть не мог.

18 июля 1942 г. Каранова арестовали. Вину он признал сразу и на последующих допросах стал называть новые фамилии.

«Моя вина перед Советской властью состоит в том, что я <в> беседах на политические темы в кругу близких знакомых высказывал свое враждебное отношение к Советской власти, допускал антисоветские суждения по отдельным вопросам политики ВКП(б) и Советской власти. Знал об антисоветских высказываниях лиц, с которыми мне приходилось общаться, и не сообщал об этом органам НКВД. <...>

Я к лицам антисоветски настроенным, допускавшим антисоветские суждения, отношу: Долгачева Михаила быв. студента Саратовского педагогического училища с литературного факультета, Частова Константина экскурсовода музея им. Радищева, Салтыкова Константина Макаровича. <...> Я их отношу к числу антисоветски настроенных лиц исходя из того, что они в разное <время?> в беседах со мной на политические темы высказывали антисоветские суждения. <...> Всех фактов контрреволюционных высказываний со стороны вышеперечисленных лиц я <удержать?> в памяти не могу. Но наиболее характерные их высказывания я приведу.

После окончания педучилища я неоднократно встречался с Долгачевым М.⁷ В квартире моей в присутствии меня, Будникова Александра⁸ и Салтыкова зимой с <1940 на> 1941 г. (числа и м-ца я не помню) Долгачев высказывая свою враждебность к

⁷ Сведений обнаружить не удалось.

⁸ Будников Александр Гаврилович (1914–1982) – член Союза художников СССР, заслуженный деятель искусств УССР (1968).

Советской власти заявил: “У меня отца расстреляли красные и я Советской власти буду мстить за него до конца своей жизни”.

Когда я спросил его, за что расстрелян отец, он ответил, что его отец был с белой армией в период Гражданской войны. После этого разговора в одной <из> бесед Будников А. мне сказал, что отец Долгачева крупный кулак в период Гражданской войны служил в белой армии в чине полковника.

Частов Константин в кабинете Агитокна ТАСС в ноябре м-це 1941 г. числа точно не помню в присутствии меня, Заборовского Франца⁹ клеветнически отзывался о сообщениях Советского Информбюро, заявляя, что сводкам Информбюро о положении на фронте и потерях Красной Армии верить нельзя. Истинное положение на фронте и о потерях Красной Армии можно узнать только из заграничной прессы и из тех цифр Германского Информбюро о потерях Красной Армии, которые опровергаются Советским Информбюро».

Также в Агитокне ТАСС Частов К. в разговоре по поводу получения им повестки о призыве в Красную Армию сказал: “Вот получил повестку о явке в военкомат. Командный состав немцы перебили. Стали наши добираться до интендантников”. Этот разговор имел место в присутствии меня и Заборовского <зимой?> 1941 г.

В беседах со мной на литературные темы и о Советских писателях Частов К. во время одной из выпивок в сентябре м-це 1941 г. (где я сейчас не помню) выражал свое отрицательное отношение к А. Толстому как к Советскому писателю. Смысл его высказываний сводился к тому в отношении А. Толстого, что он подмазался к Советской власти, пишет по заказу произведения, за которые он хорошо получает. Помню его такое дословное выражение: “А. Толстой заработал хлеб своим “Хлебом” и больше ничего” и далее Частов стал говорить, что произведение А. Толстого “Хлеб” стоит на низком идейном уровне, это не художественное произведение, а сборник речей, приказов и инструкций».

В отношении Салтыкова я могу только вспомнить то, что он высказывал недовольство условиями жизни при советской власти, брюзжал часто на <нрзб>, но конкретных высказываний с его стороны не помню. <...>

Частов К. и Салтыков, как мне известно, <оба в> 1941 г. были мобилизованы в Красную армию, где они находятся в настоящее время, не знаю. <...>

Я антисоветские высказывания Частова К. <нрзб> и сам допускал аналогичные антисоветские суждения. У себя на квартире в беседе с Частовым летом 1941 г. <в разговоре?> о военных действиях между Германией и Советским Союзом <нрзб>, что наши сообщения с фронтов войны необъ<ективны?>. Сообщения Советского информбюро не отражают действительного положения дел на фронте. Короче говоря, я также высказывал недоверие к Советской информации.

Второй раз в беседе с Частовым Константином о Советской литературе и Советских писателях (где сейчас не помню беседа происходила) я заявлял: Советская действительность ставит писателей и поэтов в ограниченные рамки, писать приходится то, что отвечает запросам дня, что является тормозом к полному развитию и расцвету таланта.

Осенью 1941 года я в отношении положения дел на фронтах с кем-то из своих товарищей вел беседу. В этой беседе заявил: нам на протяжении ряда лет внушали мысль о непобедимости Красной Армии, о мощи Советского Союза много шумели, а несколько м-цев войны с Германией показали, что Советскому правительству меньше надо было заниматься шумихой о своей мощи и непобедимости и больше готовиться к войне. Других фактов антисоветских высказываний я со своей стороны больше не помню. <...>

⁹ Заборовский Франц Эдуардович (1915–1987) – член Союза художников СССР. О нем см.: Алексей Голицын. История репрессий: Художник Заборовский и откушенное ухо доносчика (<https://fn-volga.ru/news/view/id/104439>).

Кроме других, о которых я уже рассказал, я могу показать как о лице, враждебно относящимся к Советской власти, это о Ленском Ефиме Сергеевиче (Евгении)¹⁰. Какой-либо дружбы или близкого знакомства я с ним не поддерживал, а встречался в Союзе писателей иногда, куда он изредка приходил, и я там бывал.

О том, что он настроен антисоветски, я вывел заключение из отдельных его высказываний в среде писателей.

Зимой 1940 года однажды в присутствии меня, Земного, Дальнего, Прозоровского¹¹ и других писателей, Ленский заявил, что “сейчас в условиях нашего времени в нашей литературе не может появиться второй Щедрин, такого подлинного сатирика, потому что критика может повлечь за собою репрессии”. Здесь же он вообще распространялся, что сейчас “непригодное время для критики. Нет сейчас никакой критики”.

В ночь с 29 на 30 июля 1942 г. между Частовым и Карановым устроили очную ставку. Частов топил Каранова:

«Как я уже показал ранее, общаясь с Карановым и Салтыковым, мы при встречах вели иногда антисоветские суждения. Мне памятли следующие факты антисоветских высказываний со стороны Каранова: в первые дни войны в одной из встреч на квартире у Каранова, он в разговоре со мною по поводу сложившейся военной обстановки заявил: “Как ни лизали Гитлеру, а все же он против Советского Союза выступил, и теперь нашим же хлебом будет нас бить”.

Примерно в августе месяце я находился на квартире у Каранова, где он стал говорить по поводу своего намерения поступить на работу не по своей специальности. В связи с этим он свел разговор к тому, что если тебя и не удовлетворяет работа, все же уйти с работы нельзя. По этому поводу Каранов сказал: “Рабочих зажали в кулак и пикнуть не дают”.

В тот же период времени в одной из бесед на площадке водников, Каранов заявил: “Мы уже много зазнались, надо было меньше шуметь и кричать, а строить больше танков и самолетов, чего в действительности оказалось у нас теперь мало”.

К сводкам информбюро Каранов относился весьма недоверчиво, говоря, что нет объективности в сообщениях.

Должен заявить следствию, что все наши с Карановым обоюдные суждения на антисоветские темы частично имели влияние такое, что привело к написанию мною анонимного письма антисоветского содержания в адрес писателя Алексея Толстого».

Каранов топил Частова:

«Антисоветские суждения между мною, Частовым и Салтыковым как я уже показал были взаимными. Из отдельных фактов антисоветских высказываний со стороны Частова я могу привести следующие:

Во время работы в агитокне, осенью 1941 года Частов, придя на работу, в присутствии меня и ряда других лиц сказал, что он получил повестку о явке в военкомат, что много командного состава немцы уничтожили и теперь у нас стали добираться до интендантов, каким он, Частов является.

Также, как и я, Частов с недоверием относился к сообщениям информбюро. Так в сентябре м-це 1941 г. в помещении агитокна, Частов в клеветнической форме отзывался о сообщениях Совинформбюро, заявив, что сводкам Совинформбюро о положении на фронте верить нельзя. Истинное положение на фронте можно только узнать из опровержений (помещений) помещенных в нашей печати по поводу заграничных сообщений. В беседе на литературные темы Частов во время одной из встреч со мною в

¹⁰ Ленский Ефим Сергеевич (1900 – после 1960) – писатель. О нем см.: Алексей Голицын. История репрессий. Террорист Ленский и стакан крови Сталина // ИА «Свободные новости. FreeNews-Volga» (<https://fn-volga.ru/news/view/id/104613>).

¹¹ Прозоровский Лев Владимирович (1914–1988) – писатель, фронтовой журналист. Вадим Земной (Иван Павлович Глухота) (1902–1980?) – писатель. Степан Дальний (Дмитрий Александрович Самсонов, 1895 – ?) – писатель, журналист. Был арестован во время войны за антисоветскую агитацию и умер в заключении.

сентябре 1941 г. выражал отрицательное отношение к писателю Толстому. По смыслу его разговор сводился к тому, что Толстой подмазался к советской власти. Его, Частова было такое выражение: "Толстой А. заработал на хлеб своим "Хлебом". Он, по его словам, считает, что произведение Толстого "Хлеб" написано на низком уровне, что оно не художественное произведение, а является сборником речей, приказов и тому подобное».

Все сказанное художником Частовым и поэтом Карановым позволило чекистам 1 августа составить обвинительное заключение. Обоим вменялась статья 58 п. 10 ч. II УК РСФСР.

«Произведенным расследованием установлено, что обвиняемые ЧАСТОВ и КАРАНОВ будучи антисоветски настроенными среди своего окружения занимались антисоветской агитацией.

В августе 1941 года ЧАСТОВ и КАРАНОВ высказывали недоверие сообщениям советского информбюро, считая, что оно не объективно отражает положение на фронте. <...>

Тогда же КАРАНОВ в беседе по поводу Указа Правительства о дисциплине высказывал клевету в отношении положения рабочих в Советском Союзе. <...>

В первые же дни войны Германии против Советского Союза КАРАНОВ в связи с военными событиями в клеветнической форме отзывался по поводу существовавшего до войны договора между СССР и Германией, допуская в связи с этим оскорбительные выражения по адресу советского правительства. <...>

В сентябре 1941 года ЧАСТОВ в беседе с КАРАНОВЫМ о советском писателе ТОЛСТОМ А. выражал свое отрицательное отношение к нему, считая, что ТОЛСТОЙ подмазался к советской власти. <...>

В это же время ЧАСТОВ написал и направил по почте анонимное письмо в адрес редакции газеты "Правда" писателю А. Толстому, в котором в резкой антисоветской форме выражал злобу и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, опошлял жизненные условия трудящихся и наряду с этим восхвалял фашистскую Германию, выражая желание прихода в СССР немецкой армии».

Из приведенного документа следует, что «отрицательное отношение» к писателю саратовские чекисты тоже считали уголовным преступлением.

26 сентября 1942 г. прошло закрытое заседание Саратовского областного суда. Пресловутые тройки канули в прошлое, это был полноценный судебный процесс с участием сторон и соблюдением формальностей. Учитывая военное время, правосудие вершили женщины: председательствующая Трибунская, народные заседатели Виноградова и Варенова, адвокат Иванова и секретарь Петрова. За исключением конвоиров и подсудимых, единственным мужчиной на процессе был прокурор Осипов.

Частов виновным себя признал и пояснил: «В силу материальных затруднений у меня иногда проявлялось брюзжание на существующий порядок. <...> В силу материального затруднения в 1941 г. у меня произошла нездоровая реакция; под влиянием нетрезвого состояния, прочитав статью А. Толстого в газете я написал анонимное письмо писателю Алексею Толстому, в котором я отразил в резко к<онтр>р<еволюционной> форме свое отношение к Сов<етскому> правительству. Письмо не отражает моих истинных взглядов и отношений к Сов<етскому> правительству и существующему строю, т.к. оно было написано под влиянием нетрезвого состояния и потому первое время на допросах предварительного следствия я отрицал, что являюсь его автором, но увидев свой почерк я вынужден был его признать. <...> Каранов мне говорил, что указы Правительства советскому человеку не дают возможности переходить с одной работы на другую, когда захочешь. Наши разговоры происходили всегда вдвоем. Теперь я понял, что совершил преступление. Письмо я написал один и никому о нем не говорил».

Каранов также признал себя виновным: «Я в разговоре с Частовым допускал высказывания анти-советского содержания, так например об указе о трудовой

дисциплине я сказал, что он стесняет человека, т.к. не дает возможности уходить с работы, когда захочешь. О вооружении Красной Армии я говорил, что вооружались мы недостаточно. <...> Я не говорил, что рабочим в СССР живется плохо. Отец и мать мои живут в Петровске. О договоре СССР с Германией я говорил, что зря в таком количестве посылали хлеб в Германию, т.к. она его использовала для подготовки к войне с нами же. Всем своим разговорам я не хотел придавать анти-советского смысла. Велись они в присутствии одного Частова. Это были случайные высказывания, всех их я не помню, но данные показания на предварительном следствии я полностью подтверждаю».

Прокурор Осипов запросил Частову – 10 лет и Каранову – 7 лет, с последующим поражением в правах каждому на 3 года. Адвокат Иванова ссылаясь на то, что «разговоры и письмо были результатом минутных вспышек, которые приводили к нездоровым разговорам». Защитница указывала на работу подсудимых до ареста, а также на «правильное» происхождение и просила направить их в РККА. И Каранов, и Частов также просили отправить их на фронт.

Отметим, что с точки зрения власти оба подсудимых имели бесспорные заслуги перед Родиной: «В организации «агит-окна» активное участие приняли председатель союза художников тов. Рабинович, молодые художники Заборовский, Елькович, Бобров и поэт Прозоровский. В дальнейшем в коллектив влились художники Можжаев, Частов, поэты Юрин, Каранов. <...> «Война – это я», – изрек как-то Гитлер. Под таким заголовком на рисунке художника Заборовского изображен чудовищный выродок с тусклым взглядом безумца, фигурой дегенерата и кровавыми лапами убийцы, стоящий по колено в море человеческой крови. Невольно напрашивается вывод, что нельзя быть спокойным, пока это чудовище существует на свете.

На рисунке художника Частова изображено последнее «достижение» прогнившей фашистской «науки», последнее «откровение» смрадной фашистской мысли – «брачный пункт». Рисунок Частова очень убедительно вскрывает это неслыханное глумление над достоинством женщины и человека, над естественным правом человека на любовь и семью, показывает всю глубину идейного разложения и дикости германского фашизма, который даже в отношении собственного народа совершает такую гнусность»¹². – писал заведомо пропаганды и агитации Саратовского горкома ВКП(б).

Однако суд посчитал, что художник и поэт своими разговорами «проводили контрреволюционную агитацию, направленную на подрыв мощи Советского Союза и на разложение Советского тыла». Требования прокурора судом были удовлетворены. Каранову дали 7 лет лишения свободы, Частову – 10 лет, однако срок поражения в правах последнему увеличили до пяти лет.

Ходатайства о направлении подсудимых в действующую армию удовлетворены не были, документы о дальнейших перемещениях заключенных в деле отсутствуют. Удалось ли им полностью отбыть срок или они погибли в заключении – неизвестно.

Журналиста и писателя Ефима Ленского, о котором сообщил следователям Каранов, арестовали 26 августа 1942 г. Его обвинили в том, что он проводил «злостную антисоветскую агитацию», распространял «антисоветские клеветнические измышления», пропагандировал «идею создания русской национальной партии» и говорил о необходимости «насильственного устранения от власти руководства ВКП(б)». Ленский тоже просился на фронт, но его приговорили к расстрелу, однако затем учли, что на фронте находился его сын, и в результате Ленскому дали 10 лет. Он отсидел срок полностью, дважды подавал заявления о реабилитации, но был реабилитирован только в 1960 году.

Александр Каранов и Константин Частов были реабилитированы 3 сентября 1992 года. Их родственников не нашли, отправлять справки о реабилитации было некому, и бумаги подшили к делу. Дата реабилитации косвенно свидетельствует о том, что осужденных не было в живых еще в 1950-х годах.

¹² В. Кондратьев. «Агит-окно» // Коммунист, 21 сентября 1941 г.

От Александра Каранова осталось несколько стихотворений в саратовской периодике. Ни одно произведение Константина Частова, за исключением десятка антифашистских плакатов, не сохранилось.

В качестве курьеза отметим, что традиция отправлять нетрезвые обличительные письма в Москву в среде саратовских художников сохранилась. Так, в 1950 году Иван Щеглов написал открытку в адрес «Детгиза», издавшего книгу Тургенева «Муму». Художник утверждал, что *«у нас свирепствует диктатура Сталина. У нас не писатели, а холуи»*. За это 70-летнего Щеглова приговорили к 10 годам лагерей, но ему удалось выжить и выйти на свободу после смерти Сталина¹³.

К счастью, по неизвестным причинам уголовного преследования избежал художник Константин Салтыков, который, по словам Частова и Каранова, также «имел антисоветские настроения». Его призвали в армию в сентябре 1941 г., одновременно с Частовым. А с 15 декабря он уже участвовал в боях в должности командира топографического взвода.

На риторические вопросы о соразмерности вины и наказания «антисоветчиков», о допустимости их отправки на фронт красноречивее всего отвечает рапорт о награждении Константина Салтыкова в июле 1944 года:

«В боях с прорвавшей Бобруйской группировкой старший лейтенант Салтыков находился на наблюдательном посту, где организовал окружающих бойцов и принял бой с большими группами немецкой пехоты, нападающей со всех сторон. Выйдя с полуокружения просочившейся немецкой пехоты, т. Салтыков с группой бойцов занял оборону на промежуточном рубеже, где опять принял бой. В этом неравном бою ст. л-нт Салтыков тяжело ранен и был вынесен с поля боя.

В боях с просочившейся немецкой пехотой ст. л-нт Салтыков уничтожил до 10 немецких солдат.

За проявленное мужество и отвагу в боях с немецкими захватчиками достоин правительственной награды ордена “Красной Звезды”».

¹³ См.: Алексей Голицын. История ареста художника Ивана Щеглова // Волга. 2018. №7 (<https://magazines.gorky.media/volga/2018/7/istoriya-aresta-hudozhnika-ivana-shheglova.html>).